

Е.В. ПЕРЕРВА
(Волгоград)

**МАРКЕРЫ СТРЕССА
У САРМАТОВ II–IV вв. н. э.
ИЗ ПОДКУРГАННЫХ
ЗАХОРОНЕНИЙ НИЖНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ (палеопатологический
аспект)***

Предложена интерпретация причин встречаемости маркеров стресса на костных останках населения позднесарматского времени с территории Нижнего Поволжья. Всего было изучено 166 костяков. В результате проведенного исследования поздних сарматов Нижнего Поволжья были выявлены маркеры пищевого и эпизодического стресса. Факт повышенного травматизма костяков поздних сарматов указывает на вовлеченность большей части населения в военные формирования.

Ключевые слова: сарматы, стресс, Нижнее Поволжье, палеопатология, травмы.

Исследование археологических комплексов позднесарматской культуры насчитывает уже около ста лет. Впервые в истории изучения сарматских древностей так называемый этап Stufe B, датирующийся III–IV вв. н. э., выделил П.Д. Рау. Носителями этого культурного периода он назвал аланов, под которыми понимал скифо-сарматские племена [49, с. 65]. Тем не менее в современной отечественной археологической науке до сих пор очень важной является проблема соотношения позднесарматской культуры с аланским этносом. Не менее актуальным является вопрос о времени и месте сложения позднесарматской культуры, по которому также нет единства мнений. Большое внимание уделяется вопросам периодизации памятников позднесарматского времени, становления культуры и ее основных атрибутов, региональных особенностей комплексов II–IV вв. н. э. [26–28; 30–33; 40; 41].

Со второй половины XX в. существенное внимание носителям позднесарматской культуры уделяли ученые антропологи В.В. Гинз-

бург [15], Н.М. Глазкова, В.П. Чтецов [17], Б.В. Фирштейн [42], Е.Ф. Батиева [8; 9], Е.П. Китов [21–23], М.А. Балабанова [3–7]. В настоящее время появился еще один вектор исследования позднесарматских древностей – палеопатологическое направление.

В отечественной науке основы палеопатологии были заложены работами Д.Г. Рохлина [37], В.Я. Дэрumsa [19], И.И. Гохмана [18] и А.П. Бужиловой [10; 11; 14]. При изучении костных материалов с территории Нижнего Поволжья большое внимание состоянию скелета и черепов поздних сарматов уделяла М.А. Балабанова, не раз отмечая на их костных останках различные патологии суставов и позвоночника, травмы, распространение различных генетических аномалий и доброкачественных опухолей [3; 5; 7].

А.П. Бужилова и И.С. Каменецкий одну из своих работ посвятили изучению позднесарматского погребения из могильника Сагванский I. На костных останках человека из данного археологического комплекса были обнаружены травматические повреждения и признаки болезней опорно-двигательной системы, которые указывали на военный образ жизни сармат [13, с. 208–213].

Палеопатологии позднесарматского населения Нижнего Поволжья уделял внимание и автор данной работы. Им были исследованы травматические повреждения на материалах Есаяловского Аксая, изучались различные аспекты образа жизни поздних сарматов в сравнении с раннесарматскими и среднесарматскими группами [32; 33]. Данная же работа посвящена интерпретации причин встречаемости маркеров стресса на костных останках населения позднесарматского времени из подкурганных захоронений с территории Нижнего Поволжья.

Материал и методика исследования. При фиксации маркеров стресса на костных останках использовалась методика палеопатологического обследования, разработанная А.П. Бужиловой [10; 11]. Анализ патологических состояний скелета основывался на исследовании патологических отклонений на черепной коробке и изучении состояния зубочелюстной системы, на выявлении степени травматизма

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-01-00063 (ОГОН).

(травмы, черепа и посткраниального скелета), анализе костей посткраниального скелета и оценке уровня и степени воздействия физических нагрузок.

Материалом для данной работы послужили костные останки, датирующиеся позднесарматским временем II–IV вв. н. э. и происходящие из подкурганных захоронений с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. Всего было изучено 166 костяков. Костные материалы, используемые в данном исследовании, происходят из хранилищ Волгоградского государственного университета, Южного федерального университета, Калмыцкого государственного университета. Датирование костных останков проводилось на основе археологического исследования подкурганных захоронений и осуществлялось ведущими волгоградскими археологами.

Маркеры стресса зубочелюстной системы. Кариес для населения позднесарматского времени – заболевание редкое, фиксируется лишь у 8 % исследованных взрослых индивидов. У детей, захороненных в погребениях под курганами во II–IV вв. н. э., кариес не встречается. Половые различия незначительны, у мужчин патология наблюдается чаще. Тип кариеса в подавляющем большинстве случаев пришеечный (см. табл. 1 на с. 170).

Воспалительные процессы зубочелюстной системы в виде гранулем, кист и абсцессов в исследуемой серии выявляются чаще, чем кариес (25 %). И вновь подобного рода патологии встречаются больше у мужчин (27 %), чем у женщин (18 %).

Самым широко распространенным патологическим состоянием на зубах у сарматов позднего этапа является зубной камень (88 %). Несколько реже встречается пародонтоз (64 %).

Практически у половины взрослых индивидов на верхних и нижних челюстях выявлена прижизненная утрата зубов (47 %). Сколы эмали на коронках поздних сарматов редки (14 %) (табл. 1). У женщин повреждения эмали в виде трещин и отколов механического характера выявлены значительно меньше, чем у мужчин. Вероятно, у женщин рацион состоял из более мягких продуктов, а завышение частоты сколов эмали у мужчин возможно связано с лицевым травматизмом.

Эмалевая недостаточность – еще одно патологическое состояние зубов, которое выявлено у населения позднесарматского времени. *Эмалевая недостаточность, или гипоплазия,* –

это дефект развития коронки зуба, проявляющийся чаще всего в виде отдельных, дискретных ямочек, углублений или горизонтальных бороздочек на поверхности эмали, является следствием нарушения процесса кальцификации [20, с. 18]. Частота встречаемости эмалевой недостаточности зубов в серии поздних сарматов достаточно высока – 44 % (табл. 1). Формирование эмалевой гипоплазии на коронках постоянных зубов происходило в возрастном интервале от 1 года до 5,5 лет [45, р. 438]. Именно в этот период организм был наиболее подвержен стрессовым ситуациям, которые стимулировали развитие хронических и острых состояний, приводящих к нарушению формирования эмалевого покрова. В то же время наличие эмалевой гипоплазии на зубах взрослого человека говорит о том, что стресс удачно преодолен, это так называемый палеопатологический парадокс.

Признаки холодового стресса. Самым часто встречаемым патологическим состоянием на позднесарматских материалах является васкулярная реакция – специфическое изменение надкостницы в области надбровных дуг, по внешнему краю скуловых костей, глазниц, по периметру от Bregma, вдоль стреловидного шва, в затылочной области. Данный маркер принято отождествлять с последствием холодового стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе в прохладную и ветреную или в холодную погоду с повышенной влажностью [1, с. 52–53; 11, с. 104–105].

Признаки холодового стресса у поздних сарматов чаще всего отмечаются у мужчин – 88 случаев, что составляет 77 %, у женщин – 8 наблюдений, что составляет 21 % (см. табл. 2 на с. 171).

Признаки эндокринных заболеваний. Одной из самых ярких особенностей практически всех трех сарматских культур является высокая частота проявления на черепных коробках такой редкой патологии, как лобный гиперостоз (см. рис. 3 на с. 173).

Изучаемая выборка сарматов II–IV вв. н. э. обнаруживает средние показатели встречаемости лобного гиперостоза среди других сарматских выборок – 6 % (табл. 2). По сравнению со среднесарматской серией, в которой данное отклонение чаще фиксируется у женщин, что соотносится с палеопатологическими и клиническими данными [46, р. 322], лобный гиперостоз у поздних сарматов зафиксирован 9 раз и только у мужчин (см. табл. 2).

Признаки нехватки микроэлементов в организме и воспалений. В исследуемой выборке было выявлено 16 случаев встречаемости поротического гиперостоза орбит и 6 случаев гиперостоза костей свода черепа. В процентном соотношении частоты фиксации нехватки железа и витамина B12 в организме невысокие. Половые различия незначительны. Несколько чаще признаки поротического гиперостоза встречаются у детей, но выборка неполовозрелых индивидов позднесарматского времени малочисленна – всего лишь 7 индивидов.

Редко также встречаются у поздних сарматов признаки воспалений на костях черепа и посткраниального скелета – всего 10 наблюдений, что составляет 7 % от общей численности выборки (табл. 2). Половые различия тоже незначительны. Как и в случае поротического гиперостоза, воспаления несколько чаще фиксируются у мужчин.

Травмы. У 62 сарматов из 167 изученных обнаружены повреждения травматического характера. Анализ гендерных и возрастных особенностей распределения травм показал, что у детей и подростков позднесарматского времени травм нет (см. табл. 3 на с. 171). В подавляющем большинстве случаев дефекты выявлены у мужчин – 56 индивидов (табл. 3). Только у 6 женщин были обнаружены травмы, которые локализованы исключительно в лицевом отделе черепа (табл. 3). Возраст женщин, у которых были выявлены костные дефекты в лицевом отделе черепа, не превышает 35 лет. Можно предположить, что установленные повреждения следует отнести к травмам, полученным в результате внутригруппового насилия. Однозначно ответить на вопрос, имеют ли зафиксированные повреждения боевой или бытовой характер, не представляется возможным.

В мужской серии локализация травм следующая: у 22 индивидов выявлены травмы костей свода черепа, у 30 обнаружены повреждения носа, 9 травм верхней и нижней челюсти, у 14 индивидов наблюдались разнообразные дефекты на костях посткраниального скелета (табл. 3).

На своде черепа чаще всего фиксируются травмы в виде компрессионных переломов – 15 случаев, из них 14 ранений носят на себе следы заживления, т.е. имели благоприятный исход. Одно ранение имеет смертельный характер. В основном компрессионные переломы – это травмы лобной или теменных костей,

которые характеризуются небольшими размерами (до 20–30 мм в диаметре), овальной формы.

Рубленые ранения были обнаружены у 8 мужчин. В четырех случаях из восьми рубленые раны носили смертельный характер. Все компрессионные переломы и рубленые повреждения можно отнести к травмам боевого, насильственного характера.

К лицевым травмам были отнесены переломы носовых костей, дефекты верхней и нижней челюсти, а также массивные травмы лицевого отдела черепа, приводящие к его деформации. Вероятнее всего, они могли быть результатом бытовых конфликтов, межличностных столкновений, а также следствием боевых игр или возможных обрядов перехода из одной возрастной группы в другую, которые обычно характерны для древних сообществ.

Травматические повреждения на костях посткраниального скелета найдены у 14 индивидов. В подавляющем большинстве случаев они представлены переломами трубчатых длинных костей. Такого рода дефекты обнаружены у 12 индивидов.

Чаще всего фиксировались переломы ключиц (5 наблюдений) и больших берцовых костей (4 случая). Основными причинами переломов ключиц являются падения (в основном характерны для пожилых лиц) и прямой удар [39, с. 79]. Что же касается повреждений на больших берцовых костях, то они в подавляющем большинстве случаев возникают в результате прямого удара, следствием чего становятся многооскольчатые или поперечно-зубчатые переломы. В результате не прямой травмы образуется косая или винтообразная линия излома [25, с. 70]. Дважды зафиксированы полностью зажившие косые переломы левых бедренных костей.

Болезни опорно-двигательной системы и маркеры механического стресса. Широко распространены у сарматов позднего этапа патологические изменения опорно-двигательной системы – артрозы, артриты, остеофитозы, остеохондрозы, различного рода хрящевые грыжи (см. табл. 4, 5 на с. 171). Появление их может быть связано как с естественным процессом старения организма [29; 24; 37], так и с интенсивными физическими нагрузками, воздействующими на скелетную систему человека в течение всей его жизни [11; 36].

У поздних сарматов отмечен высокий процент встречаемости артрозов – 35 наблю-

дений, что составляет 45 % от общей численности выборки (табл. 4). При этом отмечается явный перевес артрозных поражений на суставах мужчин (48 %). Данное дегенеративное отклонение имеет четкую возрастную направленность в повышении частот встречаемости. Появляясь у молодых индивидуумов 25–35 лет, наивысшего пика распространения артрозы достигают в возрастной группе 45–55 лет.

Из болезней позвоночника фиксировались последствия остеохондроза, спондилезные изменения в виде остеофитов, узлы Шморля – локальные прорывы вещества диска за пределы его нормальных границ с внедрением в смежные анатомические образования [29, с. 146], а также деформирующие артрозы суставов позвоночника. В мужской выборке чаще фиксировались остеохондроз и остеофитоз на шейном и поясничном отделах позвоночника (табл. 5).

Анализ встречаемости дегенеративно-дистрофических изменений на суставных поверхностях костей посткраниального скелета, большой процент болезней позвоночника, степень развитости мышечного рельефа поздних сарматов, а также динамика распределения зафиксированных патологических отклонений по половому и возрастному признаку указывают на значительную подверженность позднесарматского населения механическому стрессу.

Заключение. В результате исследования встречаемости маркеров стресса на костных останках индивидов из захоронений позднесарматского времени с территории Нижнего Поволжья можно сделать следующие выводы.

У представителей позднесарматской культуры выявляется специфический комплекс патологических отклонений на зубной системе, который характеризуется низкой частотой встречаемости кариеса и его осложнений в виде абсцессов, гранулем, кист, и в то же время практически у каждого индивида зафиксирован зубной камень, пародонтоз и, как следствие, прижизненная утрата зубов. Данный патологический комплекс на зубах является следствием диеты сарматов, у которых, как и у большинства кочевников, в рационе доминировали мясные и молочные продукты, богатые белком. Данный факт хорошо отражен в сочинениях античных авторов, в археологических источниках и даже в этнографических наблюдениях. Аналогичные параметры распространения патологий зубочелюстной системы вы-

явлены у носителей предыдущих сарматских культур [34; 35], что является доказательством сходной стратегии питания кочевников раннего железного века с территории Нижнего Поволжья вне зависимости от культурной принадлежности.

О том, что практически половина индивидов позднесарматского времени испытывала в детстве стресс, указывает наличие линий эмалевой гипоплазии (недостаточности) на зубах. Причины ее возникновения разнообразны: плохое питание, инфекционные заболевания, паразитарные инвазии, переход от грудного вскармливания к обычной пище, если в целом: результат физиологического и пищевого стресса в период детства [43, р. 589; 44, р. 25, 27; 46, р. 351–352; 47, t. 47; 50, р. 135; 51, р. 405; 52, р. 234]. Признаки недостаточности эмалевого покрова на зубах возникают в период от 1,5 до 2,5 лет и в 5,5 лет. Ряд исследователей объясняют это различиями в традициях грудного вскармливания детей в древних обществах – в одних популяциях детей отнимают от груди в возрасте 12–18 месяцев, в других позже [11, с. 144; 47, t. 47; 51, р. 399].

Серьезное воздействие на население позднесарматского времени на территории Нижнего Поволжья оказывало длительное нахождение на открытом воздухе в период низких температур. Маркеры холодового стресса выявлены в основном в мужской выборке, они указывают на высокую степень активности данной части населения в повседневной деятельности. Женщины, у которых данный признак встречается в разы реже, вероятнее всего, находились в более комфортных условиях (например, в кибитках), как это описано у Аммиана Марцеллина, или же они носили головные уборы, снижавшие воздействие холода на организм [2].

Анализ маркеров физиологического стресса (воспалительные процессы, признаки анемий) свидетельствует о благоприятной санитарно-эпидемической ситуации в группе. Несмотря на то, что и в мужской и в женской выборке присутствуют следы распространения инфекции, а также воспалительных процессов на черепной коробке и на костях посткраниального скелета, тем не менее частоты эти незначительны. Также редки на костных останках позднесарматского времени и заболевания, возникающие в результате нехватки витамина B12 и железа (cribra orbitalia и поротический гиперостоз костей свода черепа). Скорее всего, незначительные частоты проявления гипе-

ротоза глазниц и костей свода черепа являются свидетельством того, что стресс был перенесен еще в детском возрасте.

Несколько иная ситуация зафиксирована при изучении распространения признаков пороза костей лицевого отдела черепа, а также следов его проявления на костях посткраниального скелета, которые могут быть связаны с недостатком определенных микроэлементов в организме человека, например витаминов С и D. Так, у трети женщин встречаются следы разреженности костной ткани в различных участках черепа и посткраниального скелета, что, вероятно, обусловлено сезонными голодовками или может быть свидетельством более низкого статуса женщин в позднесарматском обществе, когда всем необходимым, в том числе и продуктами питания, в первую очередь обеспечивалась более привилегированная часть населения – мужчины.

Выявленные у населения позднесарматского времени с территории Нижнего Поволжья признаки гормональных нарушений не являются каким-то уникальным явлением для кочевников раннего железного века. Синдром Moggani был зафиксирован и на материалах ранне- и среднесарматского времени. В отличие от предыдущих культур, данное расстройство у поздних сарматов зафиксировано только у мужчин. Доминирование лобного гиперостоза у мужчин описано М.А. Соколовой [38], которая изучила 125 сарматских черепов, принадлежащих разным культурным этапам. А.П. Бужилова и М.В. Козловской, исследовавшими серию костяков, состоящую из 32 индивидов из могильника Терновое-Колбино скифского времени, у 6 человек (трех мужчин и трех женщин) были обнаружены следы лобного гиперостоза, что составляет 18,8 % [12, с. 37–38]. Для объяснения причины распространения такой редкой патологии в изучаемых скифских и сарматских палеопопуляциях А.П. Бужилова и М.В. Козловская обращают внимание на сведения Гиппократа о внешнем облике скифов: «По внешнему виду скифы толсты, мясисты, нерасчленены, влажны и слабы. Вследствие тучности и гладкости тела по внешнему виду все похожи друг на друга». Также Гиппократ отмечает слабую плодовитость скифских мужчин, связывая ее с верховой ездой, а у женщин – с «ожирением и влажностью» [16]. Проявление лобного гиперостоза в мужских сериях сарматов можно объяснить аналогичными причинами, тем более что есть много сведений о том, что сарматы были

прирожденными всадниками. Таким образом, развитие нарушений эндокринной системы может быть следствием определенного образа жизни и поведения: длительное нахождение в сидячем положении в конском седле, специфический рацион, который характеризовался однообразием продуктов, а также периодами переедания и длительными голодовками. Нельзя отрицать также и воздействие негативных факторов окружающей среды, которые могли приводить к стимулированию развития гормональных нарушений в организме.

В палеопатологии принято считать, что травмы черепа и костей посткраниального скелета могут быть маркерами военной активности, а также специфики трудовой деятельности человека. Травматические повреждения считаются индикаторами агрессивности общества и его военной специализации.

Большая часть повреждений, выявленная на костных останках населения позднесарматского времени, носит бытовой, несмертельный характер. Частота встречаемости насильственных повреждений на костных останках в исследуемой выборке сравнительно невысокая. Боевые ранения были определены только у 26 индивидов из 62. В суммарном значении это составляет 40,3 % от общего количества индивидов с травмами и лишь 15,3 % от общего числа исследованных взрослых костяков.

Сравнительный анализ травматизма у населения позднесарматского времени с материалами раннесарматского и среднесарматского времени показывает, что частота встречаемости травм боевого и бытового характера у кочевников II–IV вв. н. э. выше, чем у представителей предшествующих культур [35; 36]. Однако анализ взаимосвязи встречаемости вооружения в погребениях и боевых травм у населения позднесарматского времени показал, что корреляционная связь отсутствует.

Следовательно, характеристика населения позднесарматского времени как кочевников с агрессивным поведением, скорее всего, уходит корнями в античную литературную традицию описания варваров этого периода как вечно воинствующих народов. В то же время нельзя отрицать важное значение военной составляющей в жизни сарматского общества, тем более что этому есть такие косвенные доказательства, как специфические демографические особенности, выявленные у населения II–IV вв. н. э., а также исторические реконструкции социального уклада и быта ранних кочевников.

Анализ встречаемости дегенеративно-дистрофических изменений на суставных поверхностях костей посткраниального скелета, большой процент болезней позвоночника, степень развитости мышечного рельефа поздних сарматов, а также динамика распределения зафиксированных патологических отклонений по половому и возрастному признаку исследуемой группы механическому стрессу. Зафиксированные в мужской выборке особенности распределения заболеваний позвоночного столба (шейный и поясничный отделы), увеличение мышечного рельефа и степени поражения суставов верхних конечностей, вероятно, можно рассматривать как комплекс всадничества. Данный тезис не противоречит письменным данным относительно сарматов и аланов, которых античные авторы описывали как всадников-кочевников. В археологических комплексах элементы конской упряжи встречаются только в мужских погребениях. Частые периоды голодания, гиперактивный и агрессивный образ жизни – вот факторы, которые отражаются в зафиксированных патологических отклонениях опорно-двигательной системы у позднесарматского мужского населения. Невысокий показатель болезней позвоночника, дегенеративно-дистрофических изменений суставов костей посткраниального скелета в женской группе, скорее всего, маркирует более спокойный образ жизни и отражает естественный процесс старения организма.

Таким образом, в результате проведенного исследования поздних сарматов Нижнего Поволжья было выявлено распространение различного рода зубных патологий, маркеров пищевого и эпизодического стресса, свидетельствующих о том, что для населения этой эпо-

хи были характерны частые периоды острого голодания, специфическая диета. Непостоянное и однообразное питание приводило к различным заболеваниям зубочелюстной и эндокринной системы, а кочевое скотоводство могло являться катализатором распространения различного рода инвазивных инфекций. Отмечаемые перекосы в распределении маркеров физиологического стресса в пользу мужчин, возможно, свидетельствуют о том, что формирование сарматской культуры происходило путем миграций мужского населения на данную территорию.

Факт повышенного травматизма костяков поздних сарматов, захороненных в погребениях II–IV вв., указывает на вовлеченность большей части мужского населения в военные формирования и активное их участие в боевых действиях. Анализ травм на материалах позднесарматского времени из курганных захоронений Нижнего Поволжья позволяет говорить о высоком уровне развития военного дела у кочевников II–IV вв. н. э. Зафиксированная половая направленность в распределении травм боевого характера свидетельствует о четкой профессиональной дифференциации в обществе.

Изучение костей посткраниального скелета мужской части населения выявило ряд особенностей – сильно развитый мышечный рельеф, дегенеративно-дистрофические изменения в виде артрозов на основных суставах, в особенности верхних конечностей, болезни позвоночника – остеофитоз и остеохондроз, деформирующий артроз суставов позвоночника шейного и поясничного отделов. Все эти признаки вполне могут считаться яркими индикаторами механического стресса, связанного с верховой ездой.

Таблица 1

Частота встречаемости патологий зубочелюстной системы в позднесарматских группах

Признаки	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Кариес	152	12	8	114	10	9	38	2	5
Абсцесс	152	38	25	114	31	27	38	7	18
Зубной камень	152	133	88	114	102	89	38	31	82
Эмалевая гипоплазия	152	67	44	114	55	48	38	12	32
Потеря зуба	152	72	47	114	55	48	38	17	45
Пародонтоз	152	97	64	114	79	69	38	18	47
Слом коронки	152	21	14	114	18	16	38	3	8

Таблица 2

Частота встречаемости некоторых маркеров физиологического стресса у поздних сарматов

Некоторые патологические признаки	Суммарная выборка			Мужчины			Женщины		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Деформация черепа	152	99	65	114	72	63	38	27	71
Васкулярная реакция	152	96	63	114	88	77	38	8	21
Cribra orbitalia	152	16	11	114	13	11	38	3	8
Поротический гиперостоз костей свода черепа	152	6	4	114	5	4	38	1	3
Пороз костей черепа	152	22	14	114	13	11	38	9	24
Лобный гиперостоз	152	9	6	114	9	8	38	0	0
Воспалительный пр.	152	10	7	114	8	7	38	2	5

Таблица 3

Анализ степени травматизма в позднесарматской группе

	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Всего травмированных индивидов	163	62	38	121	56	46,3	42	6	14,3
Индивидов с травмами свода черепа	156	22	14,1	116	22	18,9	40	0	0
Индивидов с травмами лица	156	38	24,4	116	32	27,6	40	6	15
Индивидов с травмами посткраниального скелета	80	14	17,5	59	14	23,7	21	0	0

Таблица 4

Сравнение встречаемости у сарматов некоторых патологий посткраниального скелета

	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Артроз	78	35	45	58	28	48	20	7	35
Артрит	78	6	8	58	6	10	20	0	0
Воспалительные процессы	78	6	8	58	3	5	20	3	15
Посмертные изменения	78	3	4	58	3	5	20	0	0

Таблица 5

Болезни позвоночника в позднесарматской группе

	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Остеофитоз									
Шейный отдел	48	25	52	40	23	58	8	2	25
Грудной отдел	48	25	52	40	22	55	8	3	38
Поясничный отдел	48	33	69	40	28	70	8	5	63
Остеохондроз									
Шейный отдел	48	19	40	40	16	40	8	3	38
Грудной отдел	48	7	15	40	6	15	8	1	13
Поясничный отдел	48	14	29	40	11	28	8	3	38
Узлы Шморля									
Шейный отдел	48	1	2	40	0	0	8	1	13
Грудной отдел	48	11	23	40	8	20	8	3	38
Поясничный отдел	48	15	31	40	12	30	8	3	38

Рис. 1. Распределение могильников с погребениями позднесарматского времени на карте Волгоградской области: 1. Абганерово; 2. Авиловский II; 3. Аксай; 4. Антонов II; 5. Барановка I; 6. Большая Ивановка; 7. Вербовский III; 8. Вертячий; 9. Веселый III; 10. Верхний Балыклей; 11. Гремячий III; 12. Громославка II; 13. Гусевка-I; 14. Западные могилы; 15. Заря I; 16. Ковыльнов III; 17. Колобовка III; 18. Кондраши; 19. Костарево-IV; 20. Лятошинка I; 21. Майеровский III; 22. Маляевка V; 23. Нагавский-II; 24. Новый Рогачик; 25. Первомайский; 26. Перегрузное I; 27. Петрунино II, IV; 28. Писаревка II; 29. Племхоз; 30. Попов I; 31. Скворин; 32. Солодовка I; 33. Солянка; 34. Степаневка II; 35. Тары; 36. Усть-Погожее; 37. Шургановы курганы

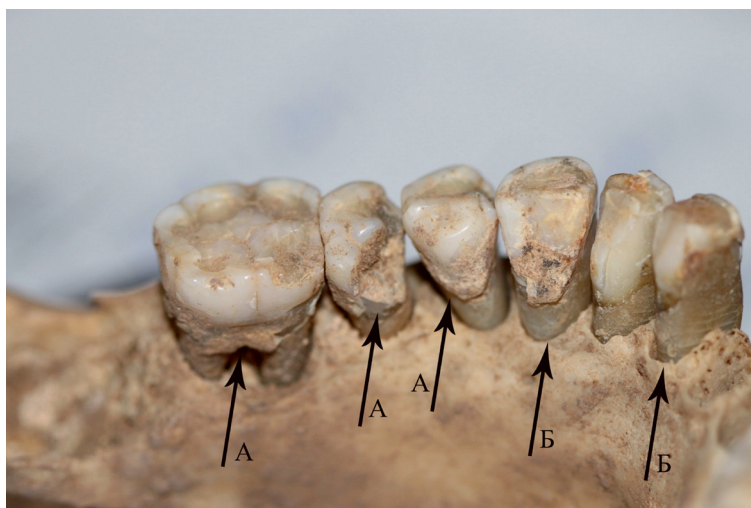

Рис. 2. Зубной камень (А) и признаки пародонтоза (Б) у мужчины из погребения 1 кургана 5 Вербовский I

Рис. 3. Следы васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки» на надбровной дуге у мужчины из погребения 1 кургана 7 могильника Лебяжье

Рис. 4. Признаки лобного внутреннего гиперостоза (А) и компрессионный перелом (Б) на черепной коробке мужчины из погребения 1 кургана 2 могильника Кондраши

Список литературы

1. Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный Мир, 2003.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. и коммент. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони. СПб.: Алетей, 1996.
3. Балабанова М.А., Цыганова О.М. Краниология сарматского населения, оставившего курганные группы Абганеровского могильника // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1997. Вып. 2. С. 267–286.
4. Балабанова М.А. Демография поздних сарматов // Нижневолжский археол. вестн. 2000. Вып. 3. С. 20–209.
5. Балабанова М.А. Социальная реконструкция поздних сарматов на основе анализа патологии, демографии и краниологии // Третья Кубанская археологическая конференция: тез. докл. Краснодар – Анапа, 2001. С. 3–7.
6. Балабанова М.А. Проблема происхождения населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий по данным антропологии (проверка археологических гипотез) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 184–230.
7. Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А. [и др.]. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология: моногр. / отв. ред.: д-р ист. наук М.А. Балабанова, д-р ист. наук А.С. Скрипкин; Волгоградский государственный университет. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015.
8. Батиева Е.Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время // Антропология на пороге III тысячелетия: материалы конф.: в 2 т. / отв. ред. Т.И. Алексеева. М., 2003. С. 250–267.
9. Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.
10. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995.
11. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147.
12. Бужилова А.П., Козловская М.В. Были ли скифы тучными? (Антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
13. Бужилова А.П., Каменецкий И.С. Сарматы и боевые столкновения (анализ черепных травм на примере материалов из могильника Сагванский-I) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. Вып. 3. С. 208–213.
14. Бужилова А.П. Homosapiens: История болезни / Ин-т археологии РАН. М.: Языки слав. культуры, 2005.
15. Гинзбург В.В. Этнические связи древнего населения // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 60. С. 563–575.
16. Гиппократ. Избранные книги. О воздухе водах и местностях. М., 1994. С. 275–307.
17. Глазкова Н.М., Чтецов В.П. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 78. С. 285–292.
18. Гохман И.И. Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология медицины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 5–16.
19. Дэрумс В.Я. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. Рига, 1970.
20. Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.
21. Китов Е.Г., Хохлов А.А. Краниология могильника Солёный Дол позднесарматского времени в Южном Зауралье // Уфимский археол. вестн. 2010. № 10. С. 127–131.
22. Китов Е.Г. Население позднесарматского периода Южного урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 519–544.
23. Китов Е.Г. Население позднесарматской культуры Южного Урала (по данным антропологии) // Изв. Самарского науч. центра РАН. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 611–616.
24. Клионер И.Л. Старческие и дегенеративные изменения в суставах и позвоночнике. М.: Медгиз, 1962.
25. Коржа А.А., Меженина Е.П., Печерский А.Г. [и др.]. Справочник по травматологии и ортопедии. Киев: Здоров'я, 1980. С. 216.
26. Кривошеев М.В. Вопросы происхождения и развития позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 57–92.
27. Кривошеев М.В. Серебряные изделия как хроноиндикатор в позднесарматских комплексах // Нижневолжский археол. вестн. 2013. Вып. 13. С. 132–135.
28. Кривошеев М.В. Позднесарматские комплексы с наборами клинков с территории Нижнего Поволжья // Нижневолжский археол. вестн. 2014. Вып. 14. С. 87–91.
29. Косинская Н.С. Дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата (клиническая рентгенодиагностика и экспертиза трудоспособности). Л.: Медгиз, 1961.

30. Мошкова М.Г. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV: Позднесарматская культура. М., 2009.
31. Малышев В.Ю., Мошкова М.Г. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 37–56.
32. Перерва Е.В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1–2. М.: Изд-во ИА РАН, 2002. С. 141–152.
33. Перерва Е.В. Поздние сарматы Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (палеопатологический аспект, сравнительный анализ с раннесарматскими и среднесарматскими сериями) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 231–262.
34. Перерва Е.В. К вопросу о патологических особенностях у сарматов VI–I вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 5(35). С. 53–66.
35. Перерва Е.В. Маркеры стресса у сарматов I–II вв. н.э. Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 8(112). С. 218–230.
36. Ражев Д.И. Комплекс остеологических признаков всадников // Природно-географические факторы и историко-культурные процессы: сб. науч. тр. Челябинск: Рифей, 1996. С. 251–259.
37. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологические изменения). М.; Л.: Наука, 1960.
38. Соколова М.А. Образ жизни и гормональные нарушения на примере сарматских племен // Экология и демография человека в прошлом и настоящем: тез. М., 2004. С. 188–190.
39. Скорогляд А.В., Ивков А.В., Шнейдеров М.В. Интрамедуллярный остеосинтез ключицы // Вестн. РГМУ. 2013. № 3. С. 22–35.
40. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984.
41. Скрипкин А.С. Проблема происхождения позднесарматской культуры // Нижневолжский археол. вестн. 2011. № 1. С. 183–196.
42. Фирштейн Б.В., Тот Т.А. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов авары и сарматы. Л.: Наука, 1970.
43. Cohen M.N., Armelagos G.L. Paleopathology at the origins of agriculture Orlando: Academic Press, 1984. P. 585–601.
44. Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.L., Clark G. Indications of Stress from Bone and Teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. Eds. Cohen M.N. and Armelagos G.L. Orlando, 1984. P. 13–49.
45. Guatelli-Steinberg D., Stinespring-Harris A., Reid D.J., Larsen C.S., Hutchinson D.L., Smith T.M. Cronology of Linear Enamel Hypoplasia Formation in the Krapina Neanderthals // PaleoAnthropology, ART 84, 2014. P. 431–445.
46. Hershkovitz I. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective / I. Hershkovitz, Ch. Greenwald, B.M. Rothschild, B. Latier, O. Dutour, L.M. Jellema, S. Wish-Baratz // American Journal of Anthropology. 1999. № 109. P. 303–325.
47. Maclellan E. Linear Enamel Hypoplasia: What Can it Say About the Condition of Childhood? // Totem: The University of Western Ontario Journal of Anthropology Vol. 13, Issue 1, Article 7, 6-21-2011. P. 41–52.
48. Malville N.J. Enamel Hypoplasia in Ancestral Puebloan Populations From Southwestern Colorado: I. Permanent Dentition // American Journal of Physical Anthropology. 1997. № 102. P. 351–367.
49. Rau P. Die Hugelgraberromischer Zeit an Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927.
50. Reid D.J., Dean M.C. Brief Communication: The Timing of Linear Hypoplasias on Human Anterior Teeth // American Journal of Physical Anthropology. 2000. Vol. 113. P. 135–139.
51. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin. United Kingdom, Cambridge University Press, 1998.
52. Wright L.E. Intertooth Patterns of Hypoplasia Expression: Implications for Childhood Health in the Classic Maya Collapse // American Journal of Physical Anthropology. 1997. Vol. 102. P. 233–247.

* * *

1. Alekseeva T.I., Bogatenkov D.V., Lebedinskaja G.V. Vladi. Antropo-jekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolja Mistsihali). M.: Nauchnyj Mir, 2003.
2. Ammian Marcellin. Rimskaja istorija / per. i komment. Ju.A. Kulakovskogo i A. I. Soni. SPb.: Aletejja, 1996.
3. Balabanova M.A., Cyganova O.M. Kraniologija sarmatskogo naselenija, ostavivshego kurgannye gruppy Abganerovskogo mogil'nika // Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Nizhnem Povolzh'e. Volgograd, 1997. Vyp. 2. S. 267–286.
4. Balabanova M.A. Demografija pozdних sarmatov // Nizhnevolzhskij arheol. vestn. 2000. Vyp. 3. S. 20–209.
5. Balabanova M.A. Social'naja rekonstrukcija pozdних sarmatov na osnove analiza patologii, demografii i kraniologii // Tret'ja Kubanskaja arheologicheskaja konferencija: tez. dokl. Krasnodar – Anapa, 2001. S. 3–7.
6. Balabanova M.A. Problema proishozhdenija naselenija pozdнесarmatskogo vremeni Nizhnego Po-

- volzh'ja i sopredel'nyh territorij po dannym antropologii (proverka arheologicheskikh gipotez) // Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoj kul'tury. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2010. S. 184–230.
7. Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A. [i dr.]. Polovozrastnaja struktura sarmatskogo naselenija Nizhnego Povolzh'ja: pogrebal'naja obrjadnost' i antropologija: monogr. / otv. red.: d-r ist. nauk M.A. Balabanova, d-r ist. nauk A.S. Skripkin; Volgogradskij gosudarstvennyj universitet. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VO RANHiGS, 2015.
8. Batieva E.F. Travmaticheskie porazhenija kostej skeleta u naselenija Nizhnego Podon'ja v sarmatskoe vremja // Antropologija na poroge III tysjacheletija: materialy konf.: v 2 t. / otv. red. T.I. Alekseeva. M., 2003. S. 250–267.
9. Batieva E.F. Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.je. – IV v. n.je. (paleoantropologicheskoe issledovanie). Rostov n/D.: Izd-vo JuNC RAN, 2011.
10. Buzhilova A.P. Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovanija). M.: IA RAN, 1995.
11. Buzhilova A.P. Paleopatologija v bioarheologicheskikh rekonstrukcijah // Istoricheskaja jekologija cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovanij. M., 1998. S. 87–147.
12. Buzhilova A.P., Kozlovskaja M.V. Byli li skify tuchnymi? (Antropologicheskij analiz kremirovannyh ostankov iz skifskogo pogrebenija) // Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.je.: paleojekologija, antropologija i arheologija. M., 2000.
13. Buzhilova A.P., Kameneckij I.S. Sarmaty i boevye stolknovenija (analiz cherepnyh travm na primere materialov iz mogil'nika Sagvanskij-I) // OPUS. Mezhdisciplinarnye issledovanija v arheologii. M., 2004. Vyp. 3. S. 208–213.
14. Buzhilova A.P. Homosapiens: Istorija bolezni / In-t arheologii RAN. M.: Jazyki slav. kul'tury, 2005.
15. Ginzburg V.V. Jethicheskie svjazi drevnego naselenija // Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. 1959. № 60. S. 563–575.
16. Gippokrat. Izbrannye knigi. O vozduhe vodah i mestnostjah. M., 1994. S. 275–307.
17. Glazkova N.M., Chtecov V.P. Paleoantropologicheskie materialy Nizhnevolzhskogo otrjada Stalingsradskoj jekspedicii // Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. 1960. № 78. S. 285–292.
18. Gohman I.I. Paleoantropologija i doistoricheskaja medicina // Antropologija medicine. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1989. S. 5–16.
19. Djerums V.Ja. Bolezni i vrachevanie v drevnej Pribaltike. Riga, 1970.
20. Zubov A.A. Odontologija. Metodika antropologicheskikh issledovanij. M.: Nauka, 1968.
21. Kitov E.G., Hohlov A.A. Kraniologija mogil'nika Solenij Dol pozdnesarmatskogo vremeni v Juzhnom Zaural'e // Ufimskij arheol. vestn. 2010. № 10. S. 127–131.
22. Kitov E.G. Naselenie pozdnesarmatskogo perioda Juzhnogo urala i Zapadnogo Kazahstana (po dannym antropologii) // Gunnskij forum. Problemy proishozhdenija i identifikacii kul'tury evrazijskikh gunnov. Cheljabinsk, 2013. S. 519–544.
23. Kitov E.G. Naselenie pozdnesarmatskoj kul'tury Juzhnogo Urala (po dannym antropologii) // Izv. Samarskogo nauch. centra RAN. 2014. T. 16. № 3–2. S. 611–616.
24. Klioner I.L. Starcheskie i degenerativnye izmenenija v sustavah i pozvonocznike. M.: Medgiz, 1962.
25. Korzha A.A., Mezhenina E.P., Pecherskij A.G. [i dr.]. Spravochnik po travmatologii i ortopedii. Kiev: Zdorov'ja, 1980. S. 216.
26. Krivosheev M.V. Voprosy proishozhdenija i razvitija pozdnesarmatskoj kul'tury v Nizhnem Povolzh'e // Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoj kul'tury. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2010. S. 57–92.
27. Krivosheev M.V. Serebrjanye izdelija kak hronoindikator v pozdnesarmatskikh kompleksah // Nizhnevolzhskij arheol. vestn. 2013. Vyp. 13. S. 132–135.
28. Krivosheev M.V. Pozdnesarmatskie komplekсы s nabora mi klinkov s territorii Nizhnego Povolzh'ja // Nizhnevolzhskij arheol. vestn. 2014. Vyp. 14. S. 87–91.
29. Kosinskaja N.S. Degenerativno-distroficheskie porazhenija kostno-sustavnogo apparata (klinicheskaja rentgenodiagnostika i jekspertiza trudosposobnosti). L.: Medgiz, 1961.
30. Moshkova M.G. Statisticheskaja obrabotka pogrebal'nyh pamjatnikov Aziatskoj Sarmatii. Vyp. IV: Pozdnesarmatskaja kul'tura. M., 2009.
31. Malyshev V.Ju., Moshkova M.G. Proishozhdenie pozdnesarmatskoj kul'tury (k postanovke problemy) // Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoj kul'tury. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2010. S. 37–56.
32. Pererva E.V. Paleopatologija pozdnih sarmatov iz mogil'nikov Esaulovskogo Aksaja // OPUS. Mezhdisciplinarnye issledovanija v arheologii. Vyp. 1–2. M.: Izd-vo IA RAN, 2002. S. 141–152.
33. Pererva E.V. Pozdnie sarmaty Nizhnego Povolzh'ja i Nizhnego Dona (paleopatologicheskij aspekt, sravnitel'nyj analiz s rannesarmatskimi i srednesarmatskimi serijami) // Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoj kul'tury. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2010. S. 231–262.
34. Pererva E.V. K voprosu o patologicheskikh osobennostjah u sarmatov VI–I vv. do n.je. s territorii Nizhnego Povolzh'ja i Nizhnego Dona // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2015. № 5(35). S. 53–66.
35. Pererva E.V. Markery stressa u sarmatov I–II vv. n.je. Nizhnego Povolzh'ja (paleopatologicheskie)

skij aspekt) // *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*. 2016. № 8(112). S. 218–230.

36. Razhev D.I. Kompleks osteologicheskikh priznakov vsadnikov // *Prirodno-geograficheskie faktory i istoriko-kul'turnye processy: sb. nauch. tr. Cheljabinsk: Rifej*, 1996. S. 251–259.

37. Rohlin D.G. Bolezni drevnih ljudej (kosti ljudej razlichnyh jepoh – normal'nye i patologicheskie izmenenija). M.; L.: Nauka, 1960.

38. Sokolova M.A. Obraz zhizni i gormonal'nye narushenija na primere sarmatskih plemen // *Jekologija i demografija cheloveka v proshlom i nastojashhem: tez. M.*, 2004. S. 188–190.

39. Skorogljadov A.V., Ivkov A.V., Shnejde-rov M.V. Intramedulljarnyj osteosintez kljuchicy // *Vestn. RGMU*. 2013. № 3. S. 22–35.

40. Skripkin A.S. Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashej jery. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1984.

41. Skripkin A.S. Problema proishozhdenija poz-dnesarmatskoj kul'tury // *Nizhnevolzhskij arheol. vestn*. 2011. № 1. S. 183–196.

42. Firshtejn B.V., Tot T.A. Sarmaty Nizhnego Povolzh'ja v antropologicheskom osvjaschenii. Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov avary i sarmaty. L.: Nauka, 1970.

Markers of stress of the Sarmatianin the II–IV centuries AD from burial ground tombs of the Lower Volga region (paleopathological aspect)

The article deals with the reasons for occurrence of stress markers on the skeletal remains of the population of the late Sarmatian period from the territory of the Lower Volga region. 166 skeletons were studied. The research resulted in finding out the markers of food and episodic stress. The fact of increased traumatism of the late Sarmatians indicates the involvement of most of the population into military formations.

Key words: *Sarmatians, stress, Lower Volga region, paleopathology, injuries.*

(Статья поступила в редакцию 10.10.2017)

Б.Г. АЛИЕВ, А.О. МУРТАЗАЕВ
(Махачкала)

УЧАСТНИК ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА 1796 г. ГЕНЕРАЛ Ф.Ф. СИМОНОВИЧ О ТАБАСАРАНЕ*

Анализируются две работы Ф.Ф. Симоновича «Описание Южного Дагестана» и «Описание Табасарана», написанные в 1796 г. при снятии на карту Южного Дагестана. Вторая работа целиком посвящена Табасарану. Обе работы содержат ряд вопросов социально-экономического положения Табасарана в конце XVIII в. Они касаются характеристики владений Табасарана – майсумства, кадийства и союзов сельских общин, объединенных под названием Девек Елеми, где даны имена беков с центрами их владений, количество сел, численность населения, а также вооруженных сил каждого из них и их общее количество.

Ключевые слова: *Ф.Ф. Симонович, Табасаран, майсум, кадий, Девек Елеми, земледелие, садоводство, скотоводство, виноградарство, пчеловодство.*

Федор Филиппович Симонович (1760–1815) по национальности славянин из венгерских дворян. В 1793 г. из австрийской армии перешел в русскую, участвовал в военных действиях в Кабарде, в 1796 г. – в Персидском походе, возглавленном ген.-поруч. В.А. Зубовым. Будучи в Дагестане, Ф.Ф. Симонович снимал Южный Дагестан на карту и конкретно снял Табасаран, Дербентское, Кубинское, Ахтынское, Рутульское и Хамбутаево владения и «оним топографическое описание сочинил». Участвовал в военных действиях против персиян и в осаде Эрзерума. В 1810 г. в чине генерал-майора состоял правителем Имеретии, Абхазии, Мингрелии и Гурии, затем был военным губернатором Грузии.

«Топографическое описание» Ф.Ф. Симоновича как часть рукописи на 62 листах, где также помещены «Описание Северного Дагестана» Д.И. Тихонова и «Описание Ширвана» И.Т. Дренякина, имеется в Российском государственном военно-историческом архиве (Ф. ВУА. Д. 18474) и в Российском государственном архиве древних актов (Ф. Ермо-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 16-31-01067 «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI – первая половина XIX в.».